

Владимир Соловьев

Судьба Пушкина.

I

Есть предметы, о которых можно иметь неверное или недостаточное понятие – без прямого ущерба для жизни. Интерес истины относительно этих предметов есть только умственный, научно-теоретический, хотя сами они могут иметь большое реальное и практическое значение. До конца XVII столетия все люди, даже ученые, имели неверное понятие о воде, – ее считали простым телом, однородным элементом или стихией, пока знаменитый Лавуазье не разложил ее состава на два элементарных газа: кислород и водород. То, что сделал Лавуазье, имело большую теоретическую важность, – недаром от него ведется начало настоящей научной химии; и этим его открытие оказывало, конечно, косвенное влияние и на практическую жизнь со стороны ее материальных интересов, которым хорошая химия может служить более успешно, чем плохая. Но прямого воздействия на практическое житейское значение собственно воды анализ Лавуазье не мог иметь. Чтобы умываться, или поить животных, или вертеть мельничные колеса, или даже двигать паровоз, нужна только сама вода, а не знание ее состава или ее химической формулы. Точно так же мы пользуемся светом и теплотой совершенно независимо от наших правильных или неправильных понятий, от нашего знания или незнания в области астрономии и физики. Во всех подобных случаях для житейского употребления предмета достаточно опытных житейских сведений о его внешних свойствах, совершенно независимо от точного теоретического познания его природы, и самый великий ученый не имеет здесь никакого преимущества пред дикарем и невеждою.

178

Но есть предметы порядка духовного, которых жизненное значение для нас прямо определяется, кроме их собственных реальных свойств, еще и тем понятием, которое мы о них имеем. Одного из таких предметов касается настоящий очерк.

Есть нечто, называемое судьбой, – предмет хотя не материальный, но тем не менее вполне действительный. Я разумею пока под судьбою тот факт, что ход и исход нашей жизни зависит от чего-то, кроме нас самих, от какой-то превосходящей необходимости, которой мы волей-неволей должны подчиниться. Как факт, это бесспорно; существование судьбы в этом смысле признается всеми мыслящими людьми, независимо от различия взглядов и степеней образования. Слишком очевидно, что власть человека, хотя бы самого упорного и энергичного, над ходом и исходом его жизни имеет очень тесные пределы. Но вместе с тем легко усмотреть, что власть судьбы над человеком при всей своей несокрушимой извне силе обусловлена, однако, изнутри деятельным и личным соучастием самого человека. Так как мы обладаем внутренними задерживающими деятелями, разумом и волей, то определяющая наше существование сила, которую мы называем судьбою, хотя и независима от нас по существу, однако может действовать в нашей жизни только через нас, только под условием того или иного отношения к ней со стороны нашего сознания и воли. В составе той необходимости, которую управляют наши жизненные происшествия, необходимо заключается и наше собственное личное отношение к этой необходимости; а это отношение, в свою очередь, необходимо связано с тем, как мы понимаем господствующую в нашей жизни силу, так что понятие наше о судьбе есть также одно из условий ее действия чрез нас. Вот почему иметь верное понятие о судьбе важнее для нас, нежели знать химический состав воды или физические законы тепла и света.

Стиль важное для всех людей истинное понятие судьбы издревле дано и всем доступно. Но при особом развитии если не ума, то умственных требований, каким нынешнее время отличается от прежних эпох, самые верные понятия никем не принимаются на веру; они должны вывести свою достоверность посредством рассуждений из данного опыта.

Для полного и методического оправдания того верного понятия о судьбе, которое мы находим в универсальной вере человечества, потребовалась бы целая метафизическая система, подтвержденная сложными историческими и социологическими исследованиями. В настоящем кратком очерке я хотел только ослабить некоторые ложные ходячие мнения

179

об этом важном предмете и с помощью одного яркого и особенно для нас,

Соловьев В. Судьба Пушкина filosoff.org
русских, близкого исторического примера намекнуть на истинный характер того, что называется судьбою.

II

В житейских разговорах и в текущей литературе слово судьба сопровождается обыкновенно эпитетами более или менее порицательными: "враждебная" судьба, "слепая", "беспощадная", "жестокая" и т. д. Менее резко, но все-таки с некоторым неодобрением говорят о "насмешках" и об "иронии" судьбы. Все эти выражения предполагают, что наша жизнь зависит от какой-то силы, иногда равнодушной, или безразличной, а иногда и прямо неприязненной и злобной. В первом случае понятие судьбы сливается с ходячим понятием о природе, для которой равнодушие служит обычным эпитетом:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять {1}.

Когда в понятии судьбы подчеркивается это свойство - равнодушие, то под судьбою разумеется собственно не более как закон физического мира. Во втором случае, - когда говорится о судьбе как враждебной силе, понятие судьбы сближается с понятием демонического, адского начала в мире, представляется ли оно в виде злого духа религиозных систем или в виде безумной мировой воли, как у Шопенгауэра.

Конечно, есть в действительности и то, и другое; есть и закон равнодушной природы, есть и злое, сатанинское начало в мироздании, и нам приходится иметь дело и с тем, и с другим. Но от этих ли сил мы зависим окончательно, они ли определяют общий ход нашей жизни и решают ее исход, они ли образуют нашу судьбу?

Сила, господствующая в жизни лиц и управляющая ходом событий, конечно, действует с равной необходимостью везде и всегда; все мы одинаково подчинены судьбе. Но есть люди и события, на которых действие судьбы особенно явно и ощутительно; их прямо и называют роковыми или фатальными, и, конечно, на них нам всего легче рассмотреть настоящую сущность этой превосходящей силы.

180

Хотя вообще мне давно было ясно, что решающая роль в нашем существовании не принадлежит ни "равнодушной природе", ни духовной силе зла, хотя я был твердо убежден в истинности третьего взгляда, но применить его к некоторым особым роковым событиям я долго не умел. Я был уверен, что и они непременно как-нибудь объясняются с истинной точки зрения, но я не видел этого объяснения и не мог примириться в душе с непонятными фактами. В них ощущалась какая-то смертельная обида, как будто прямое действие какой-то враждебной, злой и злорадной силы.

Острее всего такое впечатление производила смерть Пушкина. Я не помню времени, когда бы культ его поэзии был мне чужд. Не умея читать, я уже много знал из него наизусть, и с годами этот культ только возрастал. Немудрено поэтому, что роковая смерть Пушкина, в расцвете его творческих сил, казалась мне вопиюще неправдою, нестерпимую обидою и что действовавший здесь рок не вязался с представлением о доброй силе.

Между тем, постоянно возвращаясь мыслью к этому мучительному предмету, останавливаясь на давно известных фактах и узнавая новые подробности, благодаря обнародованным после 1880 и особенно после 1887 года документам, я должен был, наконец, прийти к печальному утешению:

Жизнь его не враг отъял,
Он своею силой пал,
Жертва губительного гнева,
своею силой или, лучше сказать, своим отказом от той нравственной силы, которая была ему доступна и пользование которою было ему всячески облегчено.

Ни эстетический культ пушкинской поэзии, ни сердечное восхищение лучшими чертами в образе самого поэта не уменьшаются от того, что мы признаем ту истину, что он сообразно своей собственной воле окончил свое земное поприще. Ведь противоположный взгляд, помимо своей исторической неосновательности, был бы унизителен для самого Пушкина. Разве не унизительно для великого гения быть пустою игрушкой чуждых внешних воздействий, и притом идущих от таких людей, для которых у самого этого гения и у его поклонников не находится достаточно презрительных выражений? Главная ошибка здесь в том, что гений принимается только за какое-то чудо природы, и забывается, что дело идет о гениальном человеке. Он по природе своей выше обыкновенных людей, - это бесспорно, - но ведь и обычно

181

венные люди также по природе выше многих других существ, например животных, и если эта сравнительная высота обьязывает всякого обыкновенного человека

соблюдать свое человеческое достоинство и тем оправдывать свое природное преимущество перед животными, то высший дар гения тем более обязывает к охранению этого высшего, если хотите сверхчеловеческого, достоинства. Но не настаивая слишком на этой градации, которая осложняется обстоятельствами другого рода, во всяком случае должно сказать, что гениальный человек обязан по крайней мере к сохранению известной, хотя бы наименьшей, минимальной, степени нравственного человеческого достоинства, подобно тому, как от самого обыкновенного человека мы требуем по крайней мере тех добродетелей, к которым способны и животные, как, например, родительская любовь, благодарность, верность.

Утверждать, что гениальность совсем ни к чему не обязывает, что гению все позволено, что он может без вреда для своего высшего призвания всю жизнь оставаться в болоте низменных страстей, это – грубое идолопоклонство, фетишизм, который ничего не объясняет, и сам объясняется лишь духовною немощью своих проповедников. Нет! если гений есть благородство по преимуществу или высшая степень благородства, то он по преимуществу и в высшей степени обязывает. *Noblesse oblige**. С точки зрения этой нравственной аксиомы взглянем на жизнь и судьбу Пушкина.

III

Менее всего желал бы я, чтобы этот мой взгляд был понят в смысле прописной морали, обвиняющей поэта за его нравственную распущенность и готовой утверждать, что он погиб в наказание за свои грехи против "добродетели", в тесном значении этого слова.

Сильная чувственность есть материал гения. Как механическое движение переходит в теплоту, а теплота – в свет, так духовная энергия творчества в своем действительном явлении (в порядке времени или процесса) есть превращение низших энергий чувственной души. И как для произведения сильного света необходимо сильное развитие теплоты, так и высокая степень духовного творчества (по закону

* Положение обязывает (фр.) – Ред.

182

здешней, земной жизни) предполагает сильное развитие чувственных страстей. Высшее проявление гения требует не всегдашнего бесстрастия, а окончательного преодоления могучей страстности, торжества над нею в решительные моменты.

Естественные условия для такого торжества были и у Пушкина. С необузданною чувственною натурой у него соединялся ясный и прямой ум. Пушкин вовсе не был мыслителем в области умозрения, как не был и практическим мудрецом; но здравым пониманием насущных нравственных истин, смыслом правды он обладал в высокой степени. Ум его был уравновешенный, чуждый всяких болезненных уклонений. Среди самой пламенной страсти он мог сохранять ясность и отчетливость сознания, и если его можно в чем упрекнуть с этой стороны, то разве только в излишней трезвости и прямолинейности взгляда, в отсутствии всякого практического или житейского идеализма. Вся высшая идейная энергия исчерпывалась у него поэтическими образами и звуками, гениальным перерождением жизни в поэзию, а для самой текущей жизни, для житейской практики оставалась только проза, здравый смысл и остроумие с веселым смехом.

Такое раздвоение между поэзией, т. е. жизнью творчески просветленную и жизнью действительную или практическую, иногда бывает поразительно у Пушкина. Люди, незнакомые прежде с биографическими подробностями о нем, нашли, конечно, много неожиданного в новейших изданиях его переписки. Одно из лучших и самых популярных стихотворений нашего поэта говорит о женщине, которая в "чудное мгновение" первого знакомства поразила его "как мимолетное виденье, как гений чистой красоты"; затем время разлуки с нею было для него томительным рядом пустых и темных дней, и лишь с новым свиданием воскресли для души "и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь" {2}. Давно было известно лицо, к которому относилось это стихотворение, и читатель Пушкина имел прежде полное основание представлять себе если не эту даму, то, во всяком случае, отношение к ней поэта, в самом возвышенном, идеальном освещении. Но теперь, после появления в печати некоторых писем о ней, оказывается, что ее образ в стихотворении "Я помню чудное мгновенье" есть даже не то, что в гегельянской эстетике называется *Schein der Idee**,

* Видимость идеи (нем.) – Ред.

183

а скорее подходит к тому, что на юридическом языке обозначается как "сообщение заведомо неверных сведений". В одном интимном письме, писанном приблизительно в то же время, как и стихотворение, Пушкин откровенно

говорит об этой самой даме, но тут уже вместо гения чистой красоты, пробуждающего душу и воскрешающего в ней божество, является "наша вавилонская блудница, Анна Петровна" {3}.

Спешу предупредить возможное недоразумение. Никому нет дела до того, какова была в действительности дама, прославленная Пушкиным. Хотя я совершенно уверен, что он сильно преувеличивал и что апокалиптический образ несколько не характерен для этой доброй женщины, но дело не в этом. Если бы оказалось, что действительное чудовище безнравственности было искренно принято каким-нибудь поэтом за гения чистой красоты и воспето в таком смысле, то от этого поэтическое произведение ничего не потеряло бы не только с точки зрения поэзии, но и с точки зрения личного и жизненного достоинства самого поэта. Ошибка в фальшь не ставится. Но в настоящем смысле этого слова. Представляя обыкновенную женщину как высшее неземное существо, Пушкин сейчас сам ясно замечал и резко высказывал, что это неправда, и даже преувеличивал свою неправду. Знакомая поэта, конечно, не была ни гением чистой красоты, ни вавилонскою блудницею, а была "просто приятною дамою" или даже, может быть, "дамою приятною во всех отношениях". Но замечательно, что в преувеличенном ее порицании у Пушкина не слышится никакой горечи разочарования, которая говорила бы за жизненную искренность и цельность предыдущего увлечения, - откровенный отзыв высказан в тоне веселого балагурства, в полном контрасте с тоном стихотворения. Более похоже на действительность другое стихотворение Пушкина, обращенное к тому же лицу, но и оно находится в противоречии с тоном и выражениями его писем.

Когда твои молодые лета
Позорит шумная молва,
И ты, по приговору света,
На честь утратила права;
Один среди толпы холодной,
Твои страданья я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю.
Но свет... жестоких осуждений
Не изменяет он своих:

184

Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.
Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья
К забвенью сердце приготовь;
Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящий душный круг,
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг {4}

Нельзя, в самом деле, не пожалеть о глубоком несчастье этой женщины: у нее остался только один друг и заступник от "жестоких осуждений", - да и тот называл ее вавилонскою блудницею! Каковы же были осуждения!

IV

Если не признавать вдохновения как самостоятельного источника поэзии, то, сопоставляя стихотворение "Я помню чудное мгновенье" с прозаическим отзывом Пушкина, можно сделать только одно заключение, что стихи просто выдуманы, что их автор никогда не видел того образа и никогда не испытал тех чувств, которые там выражены. Но, отрицая поэтическое вдохновение, лучше вовсе не говорить о поэтах. А для признающих вдохновение и чувствующих его силу в этом произведении должно быть ясно, что в минуту творчества Пушкин действительно испытал то, что сказалось в этих стихах; действительно видел гения чистой красоты, действительно чувствовал возрождение в себе божества. Но эта идеальная действительность существовала для него только в минуту творчества. Возвращаясь к жизни, он сейчас же переставал верить в пережитое озарение, сейчас же признавал в нем только обман воображения - "нас возвышающий обман" {5}, но все-таки обман и ничего более. Те видения и чувства, которые возникали в нем по поводу известных лиц или событий и составляли содержание его поэзии, обыкновенно вовсе не связывались с этими лицами и событиями в его текущей жизни, и он несколько не тяготился такою бессвязностью, такую непроходимую пропасть между поэзией и житейской практикой.

Действительность, данная в житейском опыте, несомненно находится в глубоком противоречии с тем идеалом жизни, который открывается вере, философскому умозрению и творческому вдохновению. Из этого противоречия возможны три

определенные исхода. Можно прямо отречься от идеала как от пустого вымысла и обмана и признать факт, противоречащий идеальным требованиям как окончательную и единственную действительность. Это есть исход нравственного скептицизма и мизантропии – взгляд, который может быть почтенным, когда искренен, как, например, у Шекспирова Тимона Афинского {6}, но который не выдерживает логической критики. В самом деле, если бы дурная действительность была единственною настоящею, то как возможно было бы для человека тяготиться этою единственною своею действительностью, порицать и отрицать ее? Ведь такая оценка предполагает сравнение с другим. Существо, находящееся в однородной среде, – например, человек в надземной атмосфере или рыба в воде, – не чувствует давления этой среды. Когда истинный мизантроп действительно страдает от нравственной негодности человеческой среды, то он тем самым свидетельствует о подлинной силе идеала, живущего в нем, – его страдание есть уже начало другой, лучшей действительности. Второй исход из противоречия между идеалом и дурною действительностью есть донкихотство, при котором идеальные представления до такой степени овладевают человеком, что он совершенно искренно или не видит противоречащих им фактов, или считает эти факты за обман и призрак. При всем благородстве такого идеализма его несостоятельность не требует пояснений после сатиры Сервантеса.

Третий и, очевидно, нормальный исход, который можно назвать практическим идеализмом, состоит в том, чтобы, не закрывая глаз на дурную сторону действительности, но и не возводя ее в принцип, во что-то безусловное и бесповоротное, замечать в том, что есть, настоящие зачатки или задатки того, что должно быть, и, опираясь на эти хотя недостаточные и неполные, но тем не менее действительные проявления добра, как уже существующего, данного, помогать сохранению, росту и торжеству этих добрых начал и через то все более и более сближать действительность с идеалом и в фактах низшей жизни воплощать откровения высшей. Такой практический идеализм одинаково применим и обязателен как для общественных, так и для частных, и даже самых интимных отношений. Если бы вместо того, чтобы тешиться преувеличенным контрастом между "гением чистой красоты" и "вавилонскою блудницею", поэт остановился на тех действительных зачатках высшего достоинства, которые должны же были заключаться в существе, внушившем ему хоть бы на одно мгновение

такие чистые образы и чувства, если бы он не отрекся в повседневной жизни от того, что видел и ощущал в минуту вдохновения, а решился сохранить и умножить эти залогов лучшего и на них основать свои отношения к этой женщине, тогда, конечно, вышло бы совсем другое и для него, и для нее, и вдохновенное его стихотворение имело бы не поэтическое только, но и жизненное значение. А теперь, хотя художественная красота этих стихов остается при них, но нельзя, однако, находить совершенно безразличным при их оценке то обстоятельство, что в реальном историческом смысле они, с точки зрения самого Пушкина, дают только лишнее подтверждение Аристотелевых слов, что "поэты и лгут много".

Все возможные исходы из противоречия между поэтическим идеалом и житейскою действительностью остались одинаково чуждыми Пушкину. Он не был, к счастью, ни мизантропом, ни Дон-Кихотом и, к несчастью, не умел или не хотел стать практическим идеалистом, действительным служителем добра и исправителем действительности. Он с полною ясностью отмечал противоречие, но как-то легко с ним мирился: указывая на него как на факт и прекрасно его характеризуя (например, в стихотворении "Пока не требует поэта" {7}), он даже не подозревал – до своих последних, зрелых лет, – что в этом факте есть задача, требующая решения. Резкий разлад между творческими и житейскими мотивами казался ему чем-то окончательным и бесповоротным, не оскорблял нравственного слуха, который, очевидно, был менее чутким, нежели слух поэтический.

Отношения к женщинам занимают очень большое место и в жизни, и в поэзии Пушкина; и хотя не во всех случаях эти отношения давали ему повод к апокалиптическим уподоблениям, но везде выступает непримиренная двойственность между идеализмом творчества и крайним реализмом житейских взглядов. В обширной переписке с женою мы не отыщем и намека на то "богомольное благоговение перед святыней красоты", о котором говорится в стихотворении к Наталии Николаевне Гончаровой {8}.

В Пушкине, по его собственному свидетельству, были два различные и не связанные между собою существа: вдохновенный жрец Аполлона и ничтожнейший из ничтожных детей мира. Высшее существо выступило в нем не сразу,

его поэтический гений обнаруживался постепенно. В ранних его произведениях мы видим игру остроумия и формального стихотворческого дарования, легкие отражения житейских и литературных впечатлений. Сам он характеризует такое творчество как "изнеженные звуки безумства, лени и страстей". Но в легкомысленном юноше быстро выросла великий поэт, и скоро он стал теснить "ничтожное дитя мира". Под тридцать лет решительно обозначается у Пушкина "смутное влечение чего-то жаждущей души", неудовлетворенность игрою темных страстей и ее светлыми отражениями в легких образах и нежных звуках. - "Познал он глас иных желаний, познал он новую печаль". Он понял, что "служенье муз не терпит суеты", что "прекрасное должно быть величаво" {9}, т. е. что красота, прежде чем быть приятною, должна быть достойною, что красота есть только осязательная форма добра и истины. Если бы Пушкин жил в средние века, то, достигнув этого понимания, он мог бы пойти в монастырь, чтобы связать свое художническое призвание с прямым культом того, что абсолютно достойно. Ему легко было бы удалиться от мира, в исправление и перерождение которого он, как мы знаем, не верил. В тех условиях, в которых находился русский поэт XIX века, ему удобнее и безопаснее было избрать другой род аскетизма: он женился и стал отцом семейства. С этим благополучно прошел для него период необузданных чувственных увлечений, которые могли бы задавить неокрепший творческий дар, вместо того, чтобы питать его. Это искушение оказалось недостаточно сильным, чтобы одолеть его гений, он сумел вовремя положить предел безмерности своих низших инстинктов, ввести в русло свою материальную жизнь. "Познал он глас иных желаний, познал он новую печаль". Но, становясь отцом семейства, Пушкин по необходимости теснее прежнего связывал себя с жизнью социальной, с тою общественною средою, к которой он принадлежал, и тут его ждало новое, более тонкое и опасное искушение. Достигши зрелого возраста, Пушкин ясно сознал, что задача его жизни есть то служение, "которое не терпит суеты", служение тому прекрасному, которое "должно быть величавым". Так как он оставался в обществе, то его служение красоте неизбежно принимало характер общественного служения, и ему нужно было установить свое должное отношение к обществу. Но тут Пушкин, вообще слишком даже разделявший поэзию с житейскими отношениями, не захотел отделить

188

законное сознание о своем высшем поэтическом призвании и о том внутреннем преимуществе перед другими, которое давал ему его гений, - не захотел он отделить это законное чувство своего достоинства как великого поэта, от личной мелкой страсти самолюбия и самомнения. Если своим гением Пушкин стоял выше других и был прав, сознавая эту высоту, то в своем самолюбивом раздражении на других он падал с своей высоты, становился против других, то есть на одну доску с ними, а чрез это терял и всякое оправдание для своего раздражения, - оно оказывалось уже только дурною страстью вражды и злобы.

VI

Самолюбие и самомнение есть свойство всех людей, и полное его истребление не только невозможно, но, пожалуй, и нежелательно. Этим отнимался бы важный возбудитель человеческой деятельности; это было бы опасно, пока человечество должно жить и действовать на земле.

В отеческих писаниях, - кажется, в Лимонарии св. Софрония, патриарха иерусалимского {10}, - я читал такой рассказ. К знаменитому подвижнику пришел начинающий монах, прося указать ему путь совершенства. "Этою ночью, - сказал старец, - ступай на кладбище и до утра восхваляй погребенных там покойников, а потом приди и скажи мне, как они примут твои хвалы". На другой день монах возвращается с кладбища: "Исполнил я твое приказание, отче! Всю ночь громким голосом восхвалял я этих покойников, величал их святыми, преблаженными отцами, великими праведниками и угодниками Божиими, светильниками вселенной, кладезями премудрости, солью земли; приписал им все добродетели, о каких только читал в священном писании и эллинских книгах". - "Ну, что же? Как выразили они тебе свое удовольствие?" - "Никак, отче! все время хранили молчание, ни единого слова я от них не услышал". - "Это весьма удивительно, сказал старец, - но вот что ты сделай: этой ночью ступай туда опять и ругай их до утра, как только можешь сильнее; тут уж они наверно заговорят". На следующий день монах опять возвратился с отчетом: "Всячески поносил я их и позорил, называл псами нечистыми, сосудами дьявольскими, богоотступниками; приравнивал их ко всем злодеям из Ветхого и Нового завета от Каина-братоубийцы до Иуды-предателя, от Гивеонитов неистовых и до Анании и Сапфиры - богообман

189

щиков, укорял их во всех ересьях от Симоновой и Валентиновой до новоявленной монофелитской {11}", - "Ну что же? Как же ты спасся от их гнева?" - "Никак, отче! они все время безмолвствовали. Я даже ухо прикладывал к могилам, но

никто и не пошевельнулся". - "Вот видишь, - сказал старец, - ты поднялся на первую ступень ангельского жития, которая есть послушание; вершины же этого жития на земле достигнешь лишь тогда, когда будешь так же равнодушен и к похвалам, и к обидам, как эти мертвецы". Хотя для Пушкина также идеал совершенства предполагал полное умерщвление самолюбия и самомнения:

Хвалу и клевету приемли равнодушно {12},

но требовать или ждать от него действительного осуществления такого идеала было бы, конечно, несправедливо. Оставшись в миру, он отказался от практики сверхмирского совершенства, и было бы даже жалко, если бы поэт светлой жизни погнался за совершенством покойников.

Но можно и должно было требовать и ожидать от Пушкина того, что по праву ожидается и требуется нами от всякого разумного человеческого достоинства, - можно и должно было давать и требовать от него, чтобы, оставаясь при своем самолюбии и даже давая ему, при случае, то или другое выражение, он не придавал ему существенного значения, не принимал его как мотив важных решений и поступков, чтобы о страсти самолюбия он всегда мог сказать как и о всякой другой страсти: я имею ее, а не она меня имеет. К этому, по меньшей мере, обязывал Пушкина его гений, его служение величавой красоте, обязывали, наконец, его собственные слова, когда, с укором обращаясь к своему герою, он говорит, что тот

Был должен оказать себя

Не мячиком предрассуждений,

Не пылким мальчиком, бойцом,

Но мужем с честью и умом {13}.

Этой, наименьшей, обязанности Пушкин не исполнил.

VII

Допустив над своею душою власть самолюбия, Пушкин старался оправдать ее чувством высшего призвания. Это фальшивое оправдание недостойной страсти неизбежно ставило его в неправильное отношение к обществу, вызывало

190

и поддерживало в нем презрение к другим, затем отчуждение от них, наконец, вражду и злобу против них.

Уже в сонете "Поэту" высота самосознания смешивается с высокомерием и требование бесстрастия - с обиженным и обидным выражением отчуждения.

Ты - царь, живи один! {14}

Это взято, кажется, из Байрона: the solitude of kings*. Но ведь одиночество царей состоит не в том, что они живут одни, - чего, собственно, и не бывает, - а в том, что они среди других имеют единственное положение. Это есть одиночество горных вершин.

Монблан - монарх соседних гор:

Они его венчали.

("Манфред" Байрона).

В этом смысле одинок и гений, и этого одиночества никто отнять не может, как нельзя отнять у Монблана его 14 000 футов высоты. Такое одиночество гения само собою разумеется, не нужно на него указывать или подчеркивать его. Но разве оно есть причина для презрения и отчуждения? И солнце одно на небе, но оно живет во всем, что оно живит, и никто не увидит в нем символ высокомерного обособления.

Не подобало такое высокомерие и солнцу нашей поэзии. К иным чувствам и взглядам призывало его не только сознание своей гениальности, но и сознание религиозное, которое с наступлением зрелого возраста пробудилось и выяснилось в нем. Прежнее его неверие было более легкомыслием, чем убеждением, и оно прошло вместе с другими легкомысленными увлечениями. То, что он говорил про Байрона, еще более применяется к нему самому: "скептицизм сей был только временным своенравием ума, иногда идущего вопреки убеждению внутреннему, вере душевной".

В сознании своего гения и в христианской вере поэт имел двойную опору, слишком достаточную, чтобы держаться в жизни на известной высоте, недосягаемой для мелкой вражды, клеветы и сплетни, - на высоте, одинаково далекой от нехристианского презрения к ближним и от недостойного уподобления толпе. Но мы видим, что Пушкин постоянно колеблется между высокомерным пренебрежением к окружающему его обществу и мелочным раздражением против него, выражающимся в язвительных личных выходках

* Одиночество короля (англ.) - Ред.

191

и эпиграммах. В его отношении к неприязненным лицам не было ничего ни гениального, ни христианского, и здесь - настоящий ключ к пониманию катастрофы 1837 года.

VIII

По мнению самого Пушкина, повторяемому большинством критиков и историков

литературы, "свет" был к нему враждебен и преследовал его. Та злая судьба, от которой будто бы погиб поэт, воплощается здесь в "обществе", "свете", "толпе", - вообще в той пресловутой среде, роковое предназначение которой только в том, кажется, и состоит, чтобы "заедать" людей. При всей своей распространенности это мнение, если его разобрать, оказывается до крайности неосновательным. Над Пушкиным все еще тяготеет критика Писарева, только без ясности и последовательности этого замечательного писателя. Люди, казалось бы, прямо противоположного ему направления и относящиеся к нему и ко всему движению шестидесятых годов с "убийственным" пренебрежением, на самом деле применяют к своему кумиру - Пушкину - прием писаревской критики, только с другого конца и гораздо более нелепым образом. Писарев отрицал Пушкина потому, что тот не был социальным и политическим реформатором. Требование было неосновательно, но факт совершенно верен. Пушкин действительно не был таким реформатором. Теперешние обожатели Пушкина, не покидая дурного критического метода - произвольных требований и случайных критериев, рассуждают так: Пушкин - великий человек, а так как наш критерий истинного величия дан в философии Ницше и требует от великого человека быть учителем жизнерадостной мудрости язычества и провозвестником нового или обновленного культа героев, то Пушкин и был таким учителем мудрости и таким провозвестником нового культа, за что и пострадал от косной и низменной толпы. Хотя требования здесь другие, чем у Писарева, но дурная манера предъявлять великому поэту свои личные или партийные требования - в существе та же самая. Критика Писарева может быть сведена к такому силлогизму: Maj*.: Великий поэт должен быть провозвестником радикальных идей; Min**.: Пушкин не был таким провозвестником; C.: ergo*** Пушкин был никуда не

* Максимум (лат.).- Ред. ** Минимум (лат.).- Ред. *** Следовательно (лат.).- Ред.

192

годным пошляком. Здесь в заключении высказывается субъективная оценка, грубо неверная, но логически вытекающая из приложения к действительному Пушкину произвольного мерил, взятого критиком, указывающим фактически верно, хотя совершенно некстати, на то, чего в самом деле не было у нашего поэта.

Суждения новейших пушкиноманов могут быть, в свою очередь, выражены в таком силлогизме: Maj.: Великий поэт должен быть воплощением ницшеанских идей; Min.: Пушкин был великий поэт; C.: ergo - Пушкин был воплощением ницшеанских идей. Формально этот силлогизм так же правилен, как и писаревский, но вы видите существенную разницу в пользу покойного критика: там в заключении выражалась только ложная оценка, здесь же утверждается ложный факт. Ведь Пушкин в действительности так же мало воплощал ницшеанскую теорию, как и практический радикализм. Но Писарев, подводя Пушкина под мерку радикальных тенденций, ясно видел и откровенно объявлял, что он под нее не подходит, тогда как новейшие панегиристы пушкинской поэзии, прикидывая к этому здоровому, широкому и вольному творчеству ломаный аршин ницшеанского психопатизма, настолько слепы, что уверяют себя и других в полной успешности такого измерения.

Дело не в собственных взглядах того или другого критика. И писаревская, и ницшеанская точка зрения могут иметь свою относительную законность. Но дело в том, что в настоящем историческом Пушкине обе эти точки зрения не имеют для себя никакого действительного приложения, и потому обусловленные ими суждения о поэте просто бессмысленны. Мы можем преклоняться перед трудолюбием и искусством муравьев или восхищаться красотой павлиньего хвоста, но нельзя на этом основании бранить жаворонка за то, что он не строит муравейника, и еще менее позволительно с восторгом восклицать: какой великолепный павлиний хвост у этого жаворонка!

К фальшивой оценке Пушкина как учителя древней мудрости и пророка новой или обновленной античной красоты привязывается (довольно искусственно и нескладно) давнишний взгляд на его гибель как на роковое следствие его столкновения с враждебной общественной средой. Но общественная среда враждует обыкновенно с теми людьми, которые хотят ее исправлять и перерождать. У Пушкина такого желания не было; он решительно отклонял от себя всякую преобразовательную задачу, которая, действительно, вовсе не шла бы к нему. При всем различии натур и характе

193

ров, Пушкин все-таки был более похож на Гете, чем на Сократа, и отношение к нему официальной и общественной русской среды было более похоже на отношение Германии к веймарскому олимпийцу, нежели на отношение афинской демократии к Сократу, - да и Сократ мог свободно прожить среди этой демократии до семидесятилетнего возраста.

Вообще, столкновение лица с обществом должно быть слишком принципиально глубоким, чтобы делать кровавую развязку безусловно необходимой, объективно неизбежной. Во всей истории человечества это случилось, кажется, не более одного раза, да и спор шел, собственно, не между лицом и обществом, а между богом и "князем мира сего". Впрочем, насколько мне известно, даже самые ярые панегиристы Пушкина не вспоминали о Голгофе по поводу его дуэли; и действительно, несчастный поэт был менее всего близок к Христу тогда, когда стрелял в своего противника.

Пушкина будто бы не признавали и преследовали! Но что же, собственно, не признавалось в нем, что было предметом вражды и гонений? Его художественное творчество? Едва ли, однако, во всемирной литературе найдется другой пример великого писателя, который так рано, как Пушкин, стал общепризнанным и популярным в своей стране. А говорить о гонениях, которым будто бы подвергнулся наш поэт, можно только для красоты слога.

Если несколько лет невольного, но привольного житья в Кишиневе, Одессе и собственном Михайловском – есть гонение и бедствие, то как же мы назовем бессрочное изгнание Данте из родины, тюрьму Камозанса, объявленное сумасшествие Тасса, нищету Шиллера, остракизм Байрона, каторгу Достоевского и т. д.? Единственное бедствие, от которого серьезно страдал Пушкин, была тогдашняя цензура; но, во-первых, это была общая судьба русской литературы, а во-вторых, этот "тяжкий млат, дробя стекло, кует булат" {15}, и, следовательно, для великих писателей менее страшен, чем для прочих. Внешние условия Пушкина, несмотря на цензуру, были исключительно счастливыми. Во всяком случае, можно быть уверенным, что в тогдашней Англии ему за его ранние "вольности" досталось бы от общества гораздо больше, чем в России от правительства, как это ясно видно на примере Байрона {16}. Когда говорят о вражде светской и литературной среды к Пушкину, забывают о его многочисленных и верных друзьях в этой самой среде. Но почему же "свет" более представлялся тогда Уваровым или Бенкендорфом, чем Карамзиными, Вильегурскими, Вяземскими и т. д.? И кто были предста

194

вители русской литературы: Жуковский, Гоголь, Баратынский, Плетнев или же Булгарин? Едва ли был когда-нибудь в России писатель, окруженный таким блестящим и плотным кругом людей понимающих и сочувствующих.

IX

Как поэт, Пушкин мог быть вполне доволен своим общественным положением: он был всероссийской знаменитостью еще при жизни. Конечно, между его современниками в России были и такие, которые отрицали его художественное значение или недостаточно его понимали. Но это были вообще люди {17}, эстетически до него не доросшие, что было так же неизбежно, как и то, что люди совсем неграмотные не читали его сочинений. Обижаться и негодовать в одном случае было бы так же странно, как и в другом. И на самом деле, Пушкин обижался и негодовал на общество не за это, не за эстетическую тупость людей малообразованных, а за холодность и неприязненность к нему многих лиц из тех двух кругов, к которым он принадлежал, светского и литературного. Но эта неприязненность, доходившая иногда до прямой враждебности, относилась, главным образом, не к поэту, не к жрецу Аполлона, а лишь к тому, кто иногда, по собственному признанию, между детей ничтожных мира бывал, может быть, всех ничтожнее {18}. В общественной среде Пушкина были, конечно, как и во всякой другой среде, злостные глупцы и негодяи, для которых превосходство ума и дарования нестерпимо само по себе. Вражда этих людей, возбуждаемая силою Пушкина, могла, однако, держаться и действовать только чрез его слабости. Он сам давал ей пищу и толкал в лагерь своих врагов и таких людей, которые не были злостными глупцами и негодяями. Главная беда Пушкина были эпиграммы. Между ними есть, правда, высшие образцы этого невысокого, хотя законного рода словесности, есть настоящие золотые блески добродушной игривости и веселого остроумия; но многие другие ниже поэтического достоинства Пушкина, а некоторые ниже человеческого достоинства вообще и столько же постыдны для автора, сколько оскорбительны для его сюжетов. Когда, например, почтенный ученый, оставивший заметный след в истории своей науки и ничего худого не сделавший, характеризуется так:

Клеветник без дарованья,
Палок ищет он чутьем
И дневного пропитанья
Ежемесячным враньем {19},
195

то едва ли самый пламенный поклонник Пушкина увидит здесь ту "священную жертву", к которой "требуется поэта Аполлон". Ясно, что тут приносилось в жертву только личное достоинство человека, что требовал этой жертвы не Музагэт, а демон гнева, и что нельзя было ожидать, чтобы жертва чувствовала

при этом благоговение к своему словесному палачу.

Таких недостойных личных выходов, иногда, как в приведенном примере, вовсе чуждых поэтического вдохновения, а иногда представлявших злоупотребление поэзией, у Пушкина, к несчастью, было слишком много даже и в последние его годы. Одна из них создала скрытую причину враждебного действия, приведшего поэта к окончательной катастрофе. Это – известное стихотворение "На выздоровление Лукулла", очень яркое и сильное по форме, но по смыслу представлявшее лишь грубое личное злословие насчет тогдашнего министра народного просвещения Уварова.

По свидетельству большинства современников, личный характер Уварова не мог вызывать сочувствия. Но обличение чьих-нибудь личных недостатков не есть задача поэзии, хотя бы сатирической. А в публичной своей деятельности Уваров имел большие заслуги: из всех русских министров народного просвещения он был, без сомнения, самый просвещенный и даровитый, и деятельность его самая плодотворная. Для серьезной сатиры, внушаемой интересом общественным, Уваров не давал повода, и, в самом деле, Пушкин обличает только частный характер министра, и его обличение представляет скорее пасквиль, нежели сатиру {20}. Но и правильная сатира, нападающая на общее и публичное зло, не подобала уже тому поэту, который ранее торжественно объявил, что ему нет дела до общественной пользы, и что борьба с публичным злом есть дело полиции, а не поэзии:

В градах ваших с улиц шумных

Сметают сор, – полезный труд!

Но, позабыв свое служенье,

Алтарь и жертвоприношение,

Жрецы ль у вас метлу берут? {21}

Если ради внешней красоты стихов "На выздоровление Лукулла" можно извинить их написание и сообщение близким друзьям, то обнародование их чрез напечатание в журнале не имеет никакого оправдания.

Между тем такому влиятельному и не очень разборчивому в средствах человеку, как Уваров, легко было стать скрытым

196

руководителем и вдохновителем множества других лиц, оскорбленных поэтом, и устроить против него деятельный заговор злоречия, сплетни и интриги. Цель была – непрерывно раздражать и дразнить его и этим довести до поступков, которые сделали бы его положение в петербургском обществе невозможным. Но разве не в его власти было помешать достижению этой цели, рассчитанной только на его нравственную слабость?

Х

Дурное дело обиды, для которого Пушкин злоупотреблял своим талантом и унижал свой гений, было так естественно и потому легко для его врагов. Они убили тут в своей сфере, исполняли свою роль; для них не было падения, падение было только для Пушкина. На низменной почве личной злобы и вражды все выгоды были на их стороне, их победа была здесь необходима. Но разве необходимо было Пушкину оставаться до конца на этой ему несвойственной, мучительной и невыгодной почве, на которой всякий шаг был для него падением? Враги Пушкина не имеют оправдания; но тем более его вина в том, что он спустился до их уровня, стал открытым для их низких замыслов. Глухая борьба тянулась два года, и сколько было за это время моментов, когда он мог одним решением воли разорвать всю эту паутину, поднявшись на ту доступную ему высоту, где неуязвимость гения сливалась с незлобием христианина.

Нет такого житейского положения, хотя бы возникшего по нашей собственной вине, из которого нельзя бы было при доброй воле выйти достойным образом. Светлый ум Пушкина хорошо понимал, чего от него требовали его высшее призвание и христианские убеждения; он знал, что должно делать, но он все более и более отдавался страсти оскорбленного самолюбия с ее ложным стыдом и злобною мстительностью.

Потерявши внутреннее самообладание, он мог еще быть спасен постороннею помощью. После первой несостоявшейся дуэли его с Геккерном император Николай Павлович взял с него слово, что в случае нового столкновения он предупредит государя. Пушкин дал слово, но не исполнил его. Ошибочно уверившись, что непристойное анонимное письмо писано тем же Геккерном, он послал ему (через его отца) свой второй вызов в таком изысканно оскорбительном письме, которое делало кровавый исход неизбежным. Между тем

при

197
крайней степени своего раздражения Пушкин не дошел все-таки до того состояния, в котором прекращается вменяемость поступков и в котором данное им слово могло быть просто забыто. После дуэли у него найдено было письмо к графу Бенкендорфу с изложением его нового столкновения, очевидно для

передачи государю. Он написал это письмо, но не захотел отправить его. Он думал, что чей-то пошлый и грязный анонимный пасквиль может уронить его честь, а им самим сознательно нарушаемое слово - не может. Если он был тут "невольником", то не "невольником чести", как назвал его Лермонтов, а только невольником той страсти гнева и мщения, которой он весь отдался. Не говоря уже об истинной чести, требующей только соблюдения внутреннего нравственного достоинства, недоступного ни для какого внешнего посягательства, - даже принимая честь в условном значении согласно светским понятиям и обычаям, анонимный пасквиль ничьей чести вредить не мог, кроме чести писавшего его. Если бы ошибочное предположение было верно и автором письма был действительно Геккерн, то он тем самым лишил себя права быть вызванным на дуэль, как человек, поставивший себя своим поступком вне закона чести; а если письмо писал не он, то для вторичного вызова не было никакого основания. Следовательно, эта несчастная дуэль произошла не в силу какой-нибудь внешней для Пушкина необходимости, а единственно потому, что он решил покончить с ненавистным врагом.

Но и тут еще не все было потеряно. Во время самой дуэли раненный противником очень опасно, но не безусловно смертельно, Пушкин еще был господином своей участи. Во всяком случае, мнимая честь была удовлетворена опасною раню. Продолжение дуэли могло быть делом только злой страсти. Когда секунданты подошли к раненому, он поднялся и с гневными словами: "Attendez, je me sens assez de force pour tirer mon coup!"* - недрожащею рукою выстрелил в своего противника и слегка ранил его. Это крайнее душевное напряжение, этот отчаянный порыв страсти окончательно сломил силы Пушкина и действительно решил его земную участь. Пушкин убит не пулею Геккерна, а своим собственным выстрелом в Геккерна {22}.

* Подождите, у меня хватит силы на выстрел! (фр.) - Ред.

198

XI

Последний взрыв злой страсти, окончательно подорвавший физическое существование поэта, оставил ему, однако, возможность и время для нравственного перерождения. Трехдневный смертельный недуг, разрывая связь его с житейской злобой и суетой, но не лишая его ясности и живости сознания, освободил его нравственные силы и позволил ему внутренним актом воли перерешить для себя жизненный вопрос в истинном смысле. Что перед смертью в нем действительно совершилось духовное возрождение, это сейчас же было замечено близкими людьми {23}.

"Особенно замечательно то, - пишет Жуковский, - что в эти последние часы жизни он как будто сделался иной: буря, которая за несколько часов волновала его душу неодолимою страстью, исчезла, не оставив в ней следа; ни слова, ни воспоминания о случившемся". Но это не было потерей памяти, а внутренним повышением и очищением нравственного сознания и его действительным освобождением из плена страсти. Когда его товарищ и секундант Данзас, рассказывает кн. Вяземский, - желая выведать, в каких чувствах умирает он к Геккерну, спросил его: не поручит ли он ему чего-нибудь в случае смерти касательно Геккерна. "Требую, - отвечал он, - чтобы ты не мстил за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христианином". Описывая первые минуты после смерти, Жуковский пишет: "Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти... Что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо. Это не было ни сон, ни покой; не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выражение поэтическое. Нет! какая-то важная, удивительная мысль на нем разливалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубоко удовлетворяющее знание. Всматриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: что видишь, друг? И что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть?"

Хотя нельзя угадать, какие слова сказал бы своему другу возродившийся через смерть великий поэт, но можно наверное отвечать за то, чего бы он не сказал. Он не сказал бы того, что твердят его неразумные поклонники, делающие из великого человека своего маленького идола. Он не сказал бы, что погиб от злой враждебной судьбы, не сказал бы,

199

что его смерть была бессмысленною и бесцельною, не стал бы жаловаться на свет, на общественную среду, на своих врагов; в его словах не было бы укора, ропота и негодования. И эта несомненная уверенность в том, чего бы он не сказал, - уверенность, которая не нуждается ни в каких доказательствах, потому что она прямо дается простым фактическим описанием его последних часов, - эта уверенность есть последнее благодеяние, за

которое мы должны быть признательны великому человеку. Окончательное торжество духа в нем и его примирение с богом и с миром примиряют нас с его смертью: эта смерть не была безвременною.

- Как? - скажут, - а те дивные художественные создания, которые он еще носил в своей душе и не успел дать нам, а те сокровища мысли и творчества, которыми бы он мог обогатить нашу словесность в свои зрелые и старческие годы?

Какой внешний, механический взгляд! Никаких новых художественных созданий Пушкин нам не мог дать и никакими сокровищами не мог больше обогатить нашу словесность.

XII

Мы знаем, что дуэль Пушкина была не внешнею случайностью, от него не зависевшею, а. прямым следствием той внутренней бури, которая его охватила и которой он отдался сознательно, несмотря ни на какие провиденциальные препятствия и предостережения. Он сознательно принял свою личную страсть за основание своих действий, сознательно решил довести свою вражду до конца, до дна исчерпать свой гнев. Один из его ближайших друзей, князь Вяземский, в том самом письме, в котором он описывает его христианскую кончину, обращаясь назад, к истории дуэли, замечает: "Ему нужен был кровавый исход". Мы не можем говорить о тайных состояниях его души; но два явные факта достаточно доказывают, что его личная воля бесповоротно определилась в этом отношении и уже не была доступна никаким житейским воздействиям, - я разумею: нарушенное слово императору и последний выстрел в противника. В том внутреннем состоянии, о котором мы вправе заключать из этих двух фактов, даже рана его самого или Геккерн не могла бы укротить его душевную бурю и переменить его решимость довести дело до конца. При такой решимости, которая была несомненна и для друзей, дуэль

200

могла иметь только два исхода: или смерть самого Пушкина, или смерть его противника. Для иных поклонников поэта второй исход представлялся бы справедливым и желательным. Зачем убит гений, а ничтожный человек остался в живых? Как же это, однако? Неужели с этою "успешною" дуэлью на душе Пушкин мог бы спокойно творить новые художественные произведения, озаренные высшим светом христианского сознания, до которого он уже раньше достиг?

Делать предположения, забывая о действительной природе и собственных взглядах человека, составляющего их предмет, есть ребяческая забава. Пусть эстетическое идолопоклонство ставит себя выше различия между добром и злом, но какое же это имеет отношение к действительному Пушкину, который никогда на эту точку зрения не становился, а под конец пришел к положительным христианским убеждениям, прямо не допускающим такого безразличия? Если Пушкин в зрелом возрасте стал уже тяготиться противоречием между требованиями поэзии и требованиями житейской суеты, то каким же образом мог бы он примириться с гораздо более глубоким противоречием между служением высшей красоте, священной и величавой, и фактом убийства из-за личной злобы?

Мы не создаем Пушкина по своему образу и подобию, а берем действительно Пушкина с его действительным характером и с теми убеждениями и взглядами, которые действительно сложились у него к этому времени. Уже в шестой главе "Евгения Онегина" есть ясное указание на то, как далеко был бы поэт от безразличия, если бы ему пришлось убить на дуэли хотя бы ненавистного и презренного врага:

Приятно дерзкой эпиграммой

Взбесить оплошного врага... - И т. д.

Но отослать его к отцам

Едва ль приятно будет вам {24}.

Так говорил еще не перегоревший в юных страстях автор "Евгения Онегина"; что бы сказал возмужалый автор "Пророка" и "Отцы пустынноики и жены непорочны" {25}? Добровольно отдавшись злой буре, которая его увлекала, Пушкин мог и хотел убить человека, но с действительною смертью противника вся эта буря прошла бы мгновенно и осталось бы только сознание о бесповоротно совершившемся злом и безумном деле. У кого с именем Пушкина соединяется действительный духовный образ поэта в его зрелые годы, тот согласится, что конец этой добровольной с его стороны,

201

им самим вызванной, дуэли - смертью противника - был бы для Пушкина во всяком случае жизненною катастрофою. Не мог бы он с такою тяжестью на душе по-прежнему привольно подниматься на вершины вдохновения для "звуков сладких и молитв"; не мог бы он с кровью нечистой человеческой жертвы на руках приносить священную жертву светлому божеству поэзии; для нарушителя нравственного закона нельзя уже было чувствовать себя царем над толпою и для невольника страсти - свободным пророческим глаголом жечь сердца людей.

При той высоте духа, которая была ему доступна и которую так явно открыли его последние мгновения, легких и дешевых расчетов с совестью не бывает. Для примирения с собою Пушкин мог отречься от мира, пойти куда-нибудь на Афон, или он мог избрать более трудный путь невидимого смирения, чтобы искупить свой грех в той же среде, в которой его совершил и против которой был виноват своею нравственною немощью, своим недостойным уподоблением ничтожной толпе {26}. Но так или иначе, - под видом ли духовного или светского подвижника, - во всяком случае Пушкин после катастрофы жил бы только для дела личного душеспасения, а не для прежнего служения чистой поэзии. Прежде в простой и открытой душе поэта полнота жизненных впечатлений кристаллизовалась в прозрачную "объективную" призму, где сходящийся на него в минуты вдохновения белый луч творческого озарения становился живо радугю. Но такой лучезарный, торжествующий характер поэзии имел неизбежно соответствующее ему основание в душевном строе поэта - ту непосредственную созвучность с всемирным благим смыслом бытия, ту жизнерадостную и добродушную ясность, все те свойства, которыми отличался Пушкин до катастрофы и которых он не мог сохранить после нее. При том исходе дуэли, которого бы желали иные поклонники Пушкина, поэзия ничего бы не выиграла, а поэт потерял бы очень много: вместо трехдневных физических страданий ему пришлось бы многолетнюю нравственную агонию достигать той же окончательной цели: своего духовного возрождения {27}. Поэзия сама по себе не есть ни добро, ни зло: она есть цветение и сияние духовных сил - добрых или злых. У ада есть свой мимолетный цвет и свое обманчивое сияние. Поэзия Пушкина не была и не могла быть таким цветом и сиянием ада, а сохранить и возвести на новую высоту добрый смысл своей поэзии он уже не мог бы, так как ему пришлось бы всю душу свою положить на внутреннее нравственное при

мирение с потерянным в кровавом деле добром. Не то чтобы дело дуэли само по себе было таким ужасным злом. Оно может быть извинительно для многих, оно могло быть извинительно для самого Пушкина в пору ранней юности. Но для Пушкина 1837 г., для автора "Пророка", убийство личного врага, хотя бы на дуэли, было бы нравственною катастрофою, последствия которой не могли бы быть исправлены "между прочим", в свободное от литературных занятий время, - для восстановления духовного равновесия потребовалась бы вся жизнь. Все многообразные пути, которыми люди, призванные к духовному возрождению, действительно приходят к нему, в сущности, сводятся к двум: или путь внутреннего, перелома, внутреннего решения лучшей воли, побеждающей низшие влечения и приводящей человека к истинному самообладанию; или путь жизненной катастрофы, освобождающей дух от непосильного ему бремени одолевших его страстей. Беззаветно отдавшись своему гневу, Пушкин отказался от первого пути и тем самым избрал второй, - и неужели мы будем печалиться о том, что этот путь не был отягощен для него виною чужой смерти и что духовное очищение могло совершиться в три дня?

Вот вся судьба Пушкина. Эту судьбу мы по совести должны признать, во-первых, доброю, потому что она вела человека к наилучшей цели - к духовному возрождению, к высшему и единственно достойному его благу; а во-вторых, мы должны признать ее разумною, потому что этой наилучшей цели она достигла простейшим и легчайшим в данном положении, т. е. наилучшим способом {28}. Судьба не есть произвол человека, но она не может управлять человеческою жизнью без участия собственной воли человека, а при данном состоянии воли этого человека то, что с ним произошло, должно было произойти и есть самое лучшее из того, что вообще могло бы с ним произойти, т. е. кажется возможным.

Природа судьбы вообще и, следовательно, судьба всякого человеческого существа не объясняется вполне тем, что мы видим в судьбе такого особенного человека, как Пушкин: нельзя химический анализ Нарзана принимать всецело за анализ всякой воды. Как в Нарзанае есть то, чего нет ни в какой другой воде, так, с другой стороны, для полного отчета о составе нашей невисской воды приходится принимать во внимание такие осложнения, каких не найдется ни в Нарзанае, ни в каком-либо другом целебном источнике. Но все-таки мы, наверно, найдем и в Неви, и в Нарзанае, и во

всякой другой воде основные вещества - водород и кислород, - без них никакой воды не бывает. При всей своей особенности судьба Пушкина показывает нам - лишь с большею яркостью - те основные черты, которые мы отыщем, если захотим и сумеем искать, во всякой человеческой судьбе, как бы она ни была осложнена или, напротив, упрощена. Судьба вообще не есть простая стихия, она разлагается на два элемента: высшее добро и высший разум, и присущая ей необходимость есть преодолевающая сила разумно-нравственного порядка, независимого от нас по существу, но воплощающегося в нашей жизни только чрез нашу собственную волю. А если так, то я думаю, что темное слово

"судьба" лучше нам будет заменить ясным и определенным выражением -
провидение божие.

204

КОММЕНТАРИИ: СУДЬБА ПУШКИНА

Впервые (с сокращениями) напечатана в "Вестнике Европы", 1897, No 9, с. 131-156. В настоящем издании печатается полностью по изд.: Соловьев В. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9. С. 33-60.

Для Соловьева статья была естественным развитием давних размышлений об основах христианской этики, о личной нравственной ответственности человека. В данном аспекте к пушкинской теме он обратился в 1896 г. в статье "Памяти императора Николая I", где, в полном противоречии с передовой общественной традицией (равно как и с заветами отца), утверждал, что в Николае I "таилось ясное понимание высшей правды и христианского идеала, поднимавшее его над уровнем не только тогдашнего, но и теперешнего сознания. Не перед одною же внешнею силой преклонился гений Пушкина и не одна грандиозность привязала к государю сердце поэта!.." Соловьев особо останавливается на мотивах "прощения", которое царь дал умирающему поэту. Пушкин, полагал Соловьев, дрался на дуэли, не сдержав честного слова, данного императору: "Если бы Пушкин исполнил данное им слово, Россия не потеряла бы своей лучшей славы и великодушному государю не пришлось бы оплакивать вместе с гибелью поэта и свое рыцарское доверие к человеку. Было здесь, что прощать, и есть в этом деле, за что помянуть вечною памятью императора Николая I!" (VII, 377-378).

В том же 1896 г. Соловьев опубликовал статью "Нравственная организация человечества" (Вопросы философии и психологии, 1896. М" 34 (4)), которая составила затем XIX главу "Оправдания добра". Здесь он дал высочайшую оценку роли Пушкина в развитии русского национального сознания: "Россия решительно подтвердила свое исповедание христиан

398

ского универсализма, когда в самую важную и славную эпоху своей новой истории окончательно вышла из национальной замкнутости и явила себя живым членом международного целого. И только тогда раскрылась и национальная сила России в том, что до сих пор более всего значительно и ценно у нас не только для нас самих, но и для других народов: на мощном стволе "оевропеившейся" Петровской государственности вырос прекрасный цвет нашей глубокой, задумчивой и нежной поэзии. Русский универсализм - который так не похож на космополитизм, как язык апостолов на волапюк, - связан с именами Петра Великого и Пушкина: пусть же назовут другие, равные этим национальные русские имена!" (VIII, 467-468),

Статья "Судьба Пушкина" была воспринята русской общественностью как задевающая память поэта и вызвала немало печатных возражений. В самом "Вестнике Европы" против нее выступил А. Ф. Кони (Кони А. Ф. Нравственный облик Пушкина // Вестник Европы. 1899. No 10) Соловьев чувствовал себя уязвленным критическими отзывами, но прямо на них не отвечал. О статье Кони он писал Стасюлевичу: "...всякий печатный ответ на нее был бы перенесением личных чувств и страстей на литературу, - чего я не одобряю". Тогда, в октябре 1899 г., он работал над статьей о пушкинской поэзии и сообщал Стасюлевичу: "Мне совершенно необходимо будет коснуться вначале немногими словами и "Судьбы Пушкина", т. к. иначе мое неограниченное восхваление его поэзии может показаться (по необязательности логики для читателей) некоторою ретракцией моего прежнего взгляда на его характер и образ действий; что мое суждение об этом вовсе не относится к поэзии, никто ведь сам собой не примет во внимание... Я остаюсь при своем прежнем взгляде, как никем не опровергнутом" (Письма, 4, 81).

{1} Последняя строфа стихотворения Пушкина "Брожу ли я вдоль улиц шумных..." (1892).

{2} Из стихотворения "к***" ("я помню чудное мгновенье...") (1825).

{3} Неточная цитата из письма Пушкина А. Н. Вульфу от 7 мая 1826 г.

{4} Соловьев полностью приводит стихотворение "Когда твои молодые лета..." (1829).

{5} Из стихотворения "Герой" (1830).

{6} Герой одноименной трагедии Шекспира (1607 -1609).

{7} Первая строка стихотворения "Поэт" (1827).

{8} Имеется в виду сонет "Мадонна" (1830).

{9} Соловьев приводит строки из стихотворений "В часы забав или праздной скуки..." (1830), "когда б не смутное влечение..." (1833), "19 октября" (1825). Для обоснования своей мысли он не обращает внимания на время их написания.

{10} Иерусалимский патриарх Софроний (умер в 641 или 644 г.) был дружен с агиографом Иоанном Мосхом, автором "Лимонара", сборника жизнеописаний первых христианских подвижников.

{11} Гивеониты – жители города Гивы, известные своей нечестивостью
399

(напр., Ос. 9,9; 10, 9); Анания с женой Сапфирой (Деян. 5, 1 -10) утаили деньги от апостолов, за что были наказаны; Симон – волхв (I в.), основатель гностически секты симониан, признанный раннехристианскими богословами родоначальником всех церковных ересей; Валентин (II в.) выдающийся гностический философ; монофелитство – ересь, сложившаяся в Византии VII в. (учение о двух природах, но одной воли и энергии у Христа).

{12} Из стихотворения "Я памятник себе воздвиг нерукотворный..."

{13} Строфа X шестой главы "Евгения Онегина".

{14} Из сонета "Поэту" (1830).

{15} Из "Полтавы", песнь первая.

{16} Далее до конца раздела следуют строки, отсутствующие в тексте "Вестника Европы".

{17} Начало фразы в "Вестнике Европы" читалось: "Но, помимо случаев личного раздражения, в которых виноват был сам Пушкин, его не ценили..."

{18} далее до конца абзаца текст в "Вестнике Европы" опущен.

{19} "Эпиграмма" (1821) направлена против издателя "Вестника Европы" М. Т. Каченовского.

{20} Стихотворение "На выздоровление Лукулла" (1835) своим появлением обязано именно публичной деятельности С. С. Уварова.

{21} Строки стихотворения "Поэт и толпа" (1828). У Пушкина: "Во градах...".

{22} Ключевая мысль Соловьева, вызвавшая почти всеобщее возмущение. Соловьева не удовлетворяла версия "духовного рикошета", он настаивал на буквальном понимании своих слов и был недоволен статьей С. М. Лукьянова, где опровергалось его утверждение. – См.: Лукьянов С. М. О последних днях жизни и смерти А. С. Пушкина с медицинской точки зрения // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1899. Т. 4. Кн. 3.; О н ж е. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Кн. 1. С. 134–135.

{23} Ниже Соловьев цитирует известное письмо В. А. Жуковского С. Л. Пушкину от 15 февраля 1837 г. и письмо П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову от 5 февраля 1837 г.

{24} Строфа XXXIII шестой главы "Евгения Онегина".

{25} "Пророк" относится к 1826 г., "Отцы пустынноики и жены непорочны..." – к 1836 г.; шестая глава "Евгения Онегина" написана в 1826 г. Вероятно, Соловьев отнес "Пророка" к более позднему периоду творчества Пушкина.

{26} В "Вестнике Европы" два последних слова заменены словом "ей".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!